

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.12>

UDC 94(47+57)“18/19”:338.43.02

LBC 63.3(2)53-21

Submitted: 02.07.2024

Accepted: 09.09.2024

EVOLUTION OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: REGIONAL CONTEXT

Natalia A. Rozinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian federation

Abstract. *Introduction.* The subject of the research in this article is the degree of development of the agricultural sector of the Russian Empire achieved in the pre-revolutionary period. An attempt is made to answer the question of the completeness of the agricultural revolution in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. *Methods and materials.* Methodologically, the author follows the institutional approach, sharing the view on the importance of the institutions' analysis for proper explanation of socio-economic processes. The analysis carried out is based on the works of pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet authors, exploring the main factors of modernization at the regional level. The article uses extensive statistical material on the main indicators characterizing the evolution of agriculture. *Analysis.* The author proceeds from the fact that due to the very wide variety of socio-economic, geographical, and climatic conditions in the various territories that were part of Russia, significant scientific results can only be obtained by introducing a regional component into the analysis, that is, by considering the degree of completion of the agrarian revolution separately for the main regions. The article examines the characteristics necessary to answer the question of whether the agricultural sector of a given region complies with the criteria by which one can judge the completion of the agricultural revolution. The *results* obtained allow us to draw the next conclusions. First, in pre-revolutionary Russia there were very large regional differences, leading to limited usefulness of using values aggregated at the national level. Secondly, various criteria corresponding to a certain level of development did not coincide in individual regions of the Russian Empire. Thirdly, apart from two Baltic provinces, as well as Poland and Finland, which remained outside the scope of analysis, in the rest of the Russian Empire, the agricultural revolution in the pre-revolutionary period was far from complete.

Key words: agrarian revolution, agricultural revolution, agriculture, crop rotation, land ownership, commercialization of agriculture.

Citation. Rozinskaya N.A. Evolution of the Agricultural Sector in Pre-Revolutionary Russia: Regional Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 137-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.12>

УДК 94(47+57)“18/19”:338.43.02

ББК 63.3(2)53-21

Дата поступления статьи: 02.07.2024

Дата принятия статьи: 09.09.2024

ЭВОЛЮЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Наталья Анатольевна Розинская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования в данной статье является степень развития аграрного сектора Российской империи, достигнутая в предреволюционный период. Делается попытка ответить на вопрос о завершенности аграрного переворота в Российской империи в конце XIX – начале XX века. *Методы и материалы.* В плане общей методологии исследования автор придерживается институционального подхода, разделяя мнение о важности анализа институтов для объяснения социально-экономических процессов. Проведенный анализ основывается на работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов, исследующих основные факторы развития аграрного сектора на региональном уровне. В статье используется обширный статистический материал по основным показателям, характеризующим эволюцию сельского хозяйства. *Анализ.* Автор исходит из того, что в силу очень большого разнообразия социально-экономических, географических и климатических условий на различных территориях, входивших в состав России, значимые научные результаты могут быть получены только при введении в анализ региональной компоненты, то есть при рассмотрении степени завершенности аграрной революции отдельно по основным регионам. В статье рассматриваются характеристики, необходимые для ответа на вопрос о соответствии аграрного сектора того или иного региона критериям, по которым можно судить о завершенности аграрного переворота. *Результатами* работы являются следующие выводы. Во-первых, в дореволюционной России существовали очень большие региональные различия, ведущие к ограниченной полезности использования величин, агрегированных на уровне всей страны. Во-вторых, различные критерии, соответствующие определенному уровню развития, не совпадали в отдельных регионах Российской империи. В-третьих, за исключением двух прибалтийских губерний – Курляндской и Эстляндской, а также оставшихся за рамками анализа Польши и Финляндии, на остальной территории Российской империи аграрный переворот в предреволюционный период был далек от своего завершения.

Ключевые слова: аграрная революция, аграрный переворот, сельское хозяйство, плодосменный севооборот, права собственности на землю, коммерциализация сельского хозяйства.

Цитирование. Розинская Н. А. Эволюция аграрного сектора в предреволюционной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 137–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.12>

Введение. Несмотря на значительное количество исследований аграрного сектора дореволюционной России, целый ряд важных вопросов остаются нерешенными и продолжают вызывать дискуссии среди ученых. К их числу можно отнести тесно связанные между собой вопросы о степени развития капитализма в дореволюционной России, о «кризисе» в аграрном секторе, об оценках и результатах аграрной реформы П.А. Столыпина, об аграрной революции / аграрном перевороте¹ в России.

В данной работе рассматривается вопрос о степени завершенности аграрного переворота в России к началу Первой мировой войны. Аграрный переворот рассматривается как совокупность социально-экономических, институциональных и технологических изменений в сельском хозяйстве, приводящих к радикальному увеличению эффективности этого важнейшего сектора экономики. Социально-экономический и институциональный аспекты аграрного переворота связаны с оформлением четких прав собственности на землю (вместо характерной для предшествующей эпохи распределенной собственности)

и развитием на этой основе относительно свободных рынков земли и рабочей силы. В технологическом плане речь идет о таких изменениях, как переход к плодосемному севообороту от традиционного трехполья и интеграция растениеводства с животноводством. На основе этих изменений происходит резкий рост производительности труда и земли, которые, способствуя вытеснению из сельского хозяйства в города экономически избыточного населения, ведут к росту урбанизации и формированию рынка рабочей силы.

Страной, в которой впервые произошли подобные преобразования и на материале которой написаны посвященные им классические и современные историко-экономические исследования [14; 16; 26; 27; 29–31], была Англия. Затем эти преобразования охватили другие европейские страны. При выборе критериев, необходимых для оценки степени завершенности аграрного переворота в дореволюционной России, мы следуем за авторами этих работ. Несмотря на то что они по-разному датировали начало и конец аграрного переворота в Англии, у них не было разногласий относительно самого механизма этого процес-

са и его результатов. С их точки зрения, аграрный переворот был запущен институциональными изменениями, которые способствовали четкому определению прав собственности на землю [26; 29; 30]. В Англии, например, это была «революция йоменов» [26]. Четкие права собственности способствовали коммерциализации крестьянских хозяйств, что вело к более эффективному использованию земли и в свою очередь повышало производительность факторов производства, а также вело к значительному росту сельскохозяйственной продукции при одновременном сокращении населения аграрного сектора [26; 27; 29–31].

Рост производительности труда в сельском хозяйстве создавал излишки рабочей силы, которые вытеснялись в города; с другой стороны, только при значительном росте аграрной продукции можно было прокормить возросшее городское население. Иными словами, достигнутая степень урбанизации де-факто выступает в качестве одного из критериев завершенности аграрного переворота. Ян Де Фрис обращал внимание, что в начале XVI в. примерно 50 % населения занималось производством зерновых культур, а в 1800 г. – только 30 % населения [6, с. 160–161].

Для ответа на вопрос, произошел ли аграрный переворот в России к началу Первой мировой войны, необходимо проследить, в какой степени в сельском хозяйстве и в обществе в целом произошли описанные изменения.

Следует отметить, что рассмотрение данного вопроса в отечественной историографии связано с определенной терминологической сложностью. Если в англоязычной литературе под аграрным переворотом / аграрной революцией (*agrarian revolution*) обычно понимаются институциональные и технологические процессы, происходившие сначала в Англии, а затем в других странах Западной Европы, результатом которых стало резкое увеличение роста продукции сельского хозяйства (в два и более раз), рост производительности труда в аграрном секторе и рост производительности земли, то в русскоязычной литературе вслед за В.И. Лениным под «аграрной революцией» понималось разрешение центрального вопроса общественно-политической

жизни предреволюционной России – переход земель от помещиков к обрабатывающим эту землю крестьянам. Соответственно, состоявшаяся «аграрная революция» в советской и в значительной части постсоветской литературы датировалась 1917–1918 гг. [9; 17; 20].

Данное понимание «аграрной революции» вызвало определенные научные трудности, поскольку выводило из фокуса внимания институциональную и технологическую характеристику аграрного сектора предреволюционной России. Возникшую проблему признает, в частности, авторитетный исследователь аграрного сектора России В.В. Кабанов. Рассмотрев дискуссии и различные трактовки термина «аграрная революция», он приходит к выводу, что существует перегрузка понятия «аграрная революция» и объясняет это тем, что нет четкого понимания, что такое «аграрная революция» [9]. В постсоветский период историки отошли от формальных схем, которые сдерживали развитие теории, и попытались переосмыслить понятие «аграрная революция» и определить, когда она произошла в России. Результаты этих дискуссий были изложены в работе Д.А. Сафонова, где он так же, как и ранее в 1989 г. В.В. Кабанов, делает вывод об отсутствии убедительной концепции по данному вопросу и необходимости дальнейших исследований [20].

В отличие от «аграрной революции», термин «аграрный переворот» закрепился в русскоязычной литературе как обозначающий процессы, имевшие место в Англии и других странах Западной Европы [5].

Для правильной оценки степени завершенности аграрного переворота в столь огромной и многообразной стране, как дореволюционная Россия, необходимо рассматривать экономические показатели на региональном уровне. Надо сказать, что в российской и зарубежной литературе, посвященной аграрному развитию Российской империи, довольно мало исследований, где имеющиеся данные последовательно изучаются в региональном разрезе. В последнее время появляется все больше работ, посвященных исследованиям отдельных губерний и регионов в дореволюционный период, но работ, где было бы дано комплексное сравнение регионов по всей стране, немного [10; 11; 13; 25; 28]. В этой статье, ос-

новываясь на данных за период 1896–1914 гг., рассматриваются в региональном разрезе основные критерии завершенности аграрного переворота к началу Первой мировой войны.

Методы и материалы. В плане общей методологии исследования автор придерживается институционального подхода, разделяя мнение о важности анализа институтов для объяснения социально-экономических процессов. Особенно продуктивным представляется сравнительный анализ институтов, рассматривающий степень их развитости в географическом (регионы и страны) и хронологическом аспектах. Проведенный анализ основывается на работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов, исследующих основные факторы модернизации на региональном уровне. В статье используется обширный статистический материал по основным показателям, характеризующим развитость сельского хозяйства. Собранный и обработанный автором статистический материал использован для проведения графического анализа основных социально-экономических показателей развития аграрного сектора.

Анализ. 1. Институциональные критерии. Как уже было отмечено, отправной точкой аграрного переворота является четкое определение прав собственности на землю, когда земля становится объектом частной собственности и на этой основе формируется земельный рынок. В России распространению крестьянского частного землевладения препятствовало то, что после отмены крепостного права в 1861 г. собственником крестьянской земли становится не отдельный индивид, не домохозяйство, а община.

В соответствии с поземельной статистикой 1905 г. в Европейской России было 395,2 миллиона десятин земли, которые можно разделить, учитывая форму собственности, на три группы: частные владения – 25,8 %, наделные земли – 35,1 %, земли казны – 39,1 % [24, с. 11].

Из вышеприведенных данных видно, что среди всех негосударственных земель большая часть находилась в общинном землепользовании. Для лучшего понимания значимости общинного хозяйства в различных регионах приводим цифры, показывающие, какую долю в начале XX в. составляло общинное земле-

владение в общем объеме крестьянского землевладения в том или ином регионе: Восточная степь (Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии) – 98,4; Север (Архангельская, Олонецкая, Вологодская губернии) – 98,0; Великорусский запад (Смоленская, Новгородская, Псковская, Тверская губернии) – 96,8; Великороссия (Московская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская губернии) – 95,8; Пермский край – 93,0; Новороссия (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии) – 88,9; Бессарабия – 77,0; Белоруссия – 39,0; Левобережная Украина – 33,0; Правобережная Украина – 13,9; прибалтийские губернии – 0,0 [7, с. 98]. То есть в Европейской части Российской империи² только в прибалтийских, украинских и белорусских губерниях было распространено подворное землевладение, а в остальных регионах – общинное.

Для анализа землевладения в регионах неевропейской России очень интересной представляется работа А.А. Кауфмана о происхождении и эволюции сельской общины [10, с. 230–268]. В своем исследовании, основанном на экспедиционных материалах Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской губерний, Забайкальской области и ряда степных регионов, он пришел к выводу, что в Российской империи можно было наблюдать все стадии общины от зародыша до последней степени разложения. И что самое интересное, эти стадии располагались по степени формирования, зрелости и разложения с востока на запад [10]. А.А. Кауфман показывает, что в рассматриваемый период в Сибири основная масса обрабатываемых земель находилась в рамках общинного права, что размывало права индивидов на владение этой землей: их права собственности на землю оставались нечеткими.

На Дальнем Востоке наблюдалась похожая ситуация. Приезжающие переселенцы захватывали пустующие земли и постепенно организовывались в общины, так как именно эта форма общежития была им знакома и понятна.

Столыпинская реформа способствовала разложению общины и установлению более четких прав собственности, но, тем не менее,

к 1914 г. в большинстве губерний европейской части Российской империи основная часть земель оставалась в наделной собственности [19, с. 67]. Важно также учитывать, что Указ от 9 ноября 1906 г. распространялся только на губернии Европейской России, поэтому в Сибири и на Дальнем Востоке основная часть земель, обрабатываемая переселенцами, также оставалась в общинной собственности.

Помимо европейской России, Сибири и Дальнего Востока, общинное право на землю было распространено у переселенцев в Закавказье и Средней Азии. Основной же массив земли в этих регионах после реформ по отмене крепостного права 1864–1871 гг.³ оказался в частной собственности местного дворянства [8, с. 338].

Среди местного крестьянского населения преимущественно было распространено подворное землевладение. Для мусульманского населения землевладение регулировалось прежде всего положениями 1847 г. [2], 1870 г., которое отменяло общинное пользование землей [3], 1883 г. [1] и 1900 г. [22]. Согласно этим законодательным актам, неправославные крестьяне являлись потомственными держателями своих земель, но при этом существовали ограничения на распоряжение этими землями, в частности, крестьянин не мог продать землю кому угодно, мог только члену общины, в противном случае требовалось согласие членов общества. Положение 1912 г. позволило крестьянам этих регионов выкупать землю в личную собственность, что способствовало развитию института частной собственности и расширению земельного рынка [4].

Что касается регионов Средней Азии, то после принятия Положения 1886 г. об управлении Туркестанским краем вводятся Правила поземельно-податного устройства, по которым вся земля объявлялась государственной, крупные землевладельцы и мусульманские священнослужители были лишены привилегий (их земли были обложены налогами), крестьяне были объявлены потомственными держателями земель с правом ее продажи при определенных ограничениях, связанных с местными обычаями и нормами, изложенными в законодательных актах [18].

Таким образом, можно утверждать, что относительно четкие права собственности на

землю в дореволюционный период сложились в прибалтийских губерниях, где в рамках реформ 1816–1820 гг. было отменено крепостное право (крестьяне были освобождены без земли) и окончательно оформилось право частной собственности на землю, в белорусских и украинских губерниях, где практически не существовало передельных общин и преобладало подворное землевладение, а также в Закавказье, где основная масса земель была в частной собственности дворян, общинное землевладение было отменено еще в 1870 г., а с 1912 г. активно развивалась крестьянская частная собственность на землю. В то же время в остальных регионах Российской империи даже через 7 лет после начала реформы Столыпина преобладали наделные земли, регулируемые общинным правом [19, с. 65].

2. Коммерциализация аграрного сектора. Помимо отсутствия четких прав у крестьян на землю, рост эффективности в аграрном секторе тормозился его низкой коммерциализацией. Ван Занден среди важнейших критериев коммерциализации выделяет уровень урбанизации [31, р. 225], поскольку при низкой коммерциализации хозяйств аграрного сектора невозможно прокормить растущее население городов.

Если посмотреть соотношение городского и сельского населения в регионах России и некоторых крупнейших странах мира – Англии, Франции, Германии, Голландии (1908–1914 гг.), то можно увидеть, что те страны, где уже закончился аграрный переворот, имели высокий уровень урбанизации. Что касается России, все регионы Российской империи были в тот период глубоко аграрными [19, с. 23]. Доля городского населения была выше среднего в Санкт-Петербургской (городское население – 67 %), Эстляндской (городское население – 55 %), Московской (городское население – 47 %), Курляндской (городское население – 23 %) губерниях. Среди других регионов уровень урбанизации выше среднего был только на Дальнем Востоке (городское население – 24 %) [19, с. 18–20].

Кроме урбанизации, степень коммерциализации в аграрном секторе можно оценить по уровню организации торговли. Очень подробно данный вопрос именно в региональном разрезе был рассмотрен в работе П.И. Ля-

щенко, где он классифицирует регионы по уровню организации торговли. П.И. Лященко выделяет 14 районов и показывает, что в зависимости от географических и климатических факторов, наличия морских или речных портов и железных дорог эти районы сильно различаются по организации хлебной торговли: от наиболее примитивной базарно-станционной торговли с большим количеством мелких посредников и слабо развитым финансовым рынком в губерниях Западного и Центрально-земледельческого районов до более развитой комиссионной торговли с использованием кредитных операций в губерниях Южного и Прибалтийского районов [13].

Описывая организацию торговли в различных губерниях, П.И. Лященко не делает каких-либо выводов относительно этапа развития, на котором та или иная губерния находится, поскольку главной целью его работы было выяснить факторы, влияющие на хлебные цены. Тем не менее из его исследования видно, что районы с более развитой организацией торговли не всегда являются районами с более высоким уровнем урбанизации и со сложившейся крестьянской частной собственностью на землю: все три фактора – уровень урбанизации выше среднего, развитая торговля и отсутствие общинного землевладения – совпадают только в Прибалтийских губерниях. Характерно, что И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкиным также выделяются именно эти губернии как весьма продвинутые по результатам кластеризации регионов Российской империи по социально-экономическим характеристикам [11].

Кроме организации хлебной торговли, еще одной характеристикой коммерциализации является показатель развитости финансово-кредитной деятельности в регионах. Данные по размещению учреждений мелкого кредита и их участников на 1 января 1914 г. показывают, что только в Южном (Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская губернии) и Юго-Западном (Волынская, Киевская, Подольская губернии) районах более половины домохозяйств были участниками системы мелкого кредита. В остальных регионах России кредитование крестьянских хозяйств – обычный для рыночной экономики

элемент хозяйственной деятельности, носящей сезонный характер – было распространено слабо [19, с. 169–170].

Наконец, еще одним важным показателем степени коммерциализации региона является развитость торговой инфраструктуры и плотность торговых предприятий, измеряемая их числом на определенное количество жителей. Из данных о распределении торговых предприятий по районам России в 1912 г. видно, что наиболее коммерциализированными были губернии с самым высоким уровнем урбанизации – столичные Петербургская и Московская, а также Прибалтийские. Наименьшим уровень коммерциализации был на Русском Севере и Северо-Западе (Архангельск, Вологда, Новгород, Олонец и Псков) и в губерниях черноземного и степного пояса [19, с. 200].

3. Критерии интенсивности ведения хозяйства в аграрном секторе. Основными критериями перехода к интенсивному сельскому хозяйству является переход от трехполья к плодосменному севообороту и увеличение доли животноводства в продукции сельского хозяйства. Данный подход разделяется и зарубежными, и отечественными исследователями, причем как дореволюционными, так и советскими [12; 16; 25].

Наиболее четко этапы интенсификации аграрного сектора изложены в исследованиях А.Н. Челинцева [25]. В работе 1910 г. он выделяет этапы сельскохозяйственной эволюции и, не используя термины «аграрная революция» или «аграрный переворот», показывает механизм и критерии перехода сельского хозяйства от экстенсивного трехполья к интенсивной плодосменной системе земледелия⁴. Используя статистические данные по количеству земель под паром, количеству земель под техническими культурами, проценту травосеяния и уровню развития животноводства, А.Н. Челинцев показывает, насколько тот или иной регион близок или далек от перехода к интенсивным формам земледелия. Если А.А. Кауфман рассматривал регионы Российской империи как воплощение определенных стадий эволюции общины, то А.Н. Челинцев видит в них пространственное воплощение различных этапов аграрной эволюции [25, с. 12]. В качестве главных причин

перехода к интенсивному хозяйству А.Н. Челинцев называет рост плотности населения и углубление специализации (разделения труда), связанное с ростом уровня урбанизации.

В работе «Очерки сельско-хозяйственной экономики...» А.Н. Челинцев рассматривает только Европейскую часть Российской империи и выделяет следующие регионы, соответствующие определенным стадиям перехода к интенсивным системам от экстенсивных. Если не учитывать губернии Царства Польского, то наиболее развитыми регионами, где активно используется травосеяние, плодосменный севооборот вместо трехпольной системы и относительно развито животноводство, являются Литовско-белорусские (западные) и Прибалтийские губернии. Также более развитыми по сравнению с другими А.Н. Челинцев называет Юго-западные губернии: Подольскую, Киевскую, север Бессарабской и юг Волынской губерний, которые он именуется «плодосменно-паровыми», то есть в этих губерниях используют обе системы севооборота, с преобладанием интенсивной плодосменной системы.

Губернии Центра России – столичные и окружающие две столицы – А.Н. Челинцев относит к паротравопольным, то есть в этих губерниях тоже используют обе системы севооборота, но преобладает экстенсивная трехпольная система. Все остальные губернии с точки зрения систем хозяйствования находятся на еще более низких уровнях [25, с. 132–133].

К сожалению, столь подробных аналогичных исследований по неевропейской части Российской империи не проводилось, но из работы Н.П. Огановского, который так же, как и А.Н. Челинцев, пытался оценить уровень развитости аграрного сектора в различных регионах, видно, что степень интенсивности систем хозяйствования в неевропейских регионах была намного меньше, чем в губерниях европейской России [16].

Таким образом, среди всех регионов Российской империи только в Прибалтийских губерниях полностью произошел переход от системы пара к плодосменному севообороту и было достаточно развитое животноводство, в остальных регионах переход либо находился на начальной стадии, либо вообще не начинался.

4. Основные показатели эффективности аграрного сектора. Как было отмечено выше, важным показателем завершенности аграрного переворота, используемым многими исследователями, является рост продукции сельского хозяйства в 2 и более раз. Если посмотреть на производство всей зерновой продукции по 50 губерниям европейской части [15, с. 2–5], то видно, что с 1883 по 1914 г. рост составил 1,58 раз. Но летом 1914 г. началась война, поэтому более корректно сравнивать с последним предвоенным 1913 г., в котором производство зерновой продукции по сравнению с 1883 г. увеличилось в 2,06 раз. На первый взгляд критерий соблюден. Важно, однако, что часть этого роста была достигнута за счет роста посевных площадей, которые увеличились за тот же период в 1,25 раз и, кроме того, исследователи отмечали, что 1913 г. был исключительно урожайным [15]. Если взять 1912 г., то показатель составит 1,8 – близко, но все же несколько меньше принятого минимального порогового значения.

Таким образом, в отличие от стран Западной Европы, в России рост продукции аграрного сектора во многом осуществлялся за счет увеличения посевных площадей и роста эффективности аграрного сектора отдельных наиболее развитых губерний, при этом средний рост эффективности был достаточно низким [31].

Одной из немногих работ, где исследовались показатели эффективности для всей территории Российской империи, является статья А.М. Маркевича [28], в которой он рассматривает различные показатели социально-экономического развития для всех регионов Российской империи и пытается выявить факторы, которые способствовали экономическому росту.

Если посмотреть на все регионы Российской империи, то можно увидеть достаточно большую вариативность социально-экономических показателей. На карте видно (см. рис. 1), что наиболее высокие показатели производительности труда в аграрном секторе наблюдаются не только в западных и южных регионах, что ожидаемо, но и в ряде сибирских и дальневосточных регионах, что до исследования А.М. Маркевича было совершенно не очевидно.

В результате своего исследования А.М. Маркевич приходит к выводу, что важнейшими факторами, способствующими развитию регионов, были доступ к международной морской торговле, наличие природных ресурсов и наследие крепостного права [28].

Работа А.М. Маркевича охватывает все регионы Российской империи, но дает картину рубежа XIX–XX вв., соответственно встает вопрос о динамике показателей эффективности аграрного сектора.

Ниже на графике представлена динамика изменения количества производимого зерна на человека в аграрном секторе – данный показатель можно использовать как прокси для показателя производительности труда в сельском хозяйстве (см. рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что с 1888 по 1913 г. в большинстве губерний наблюдался небольшой рост выпуска зерна на человека в аграрном секторе, что говорит об отсутствии качественных сдвигов в технологических и институциональных изменениях. Рост пример-

но в 2 раза был только в пяти регионах: в Донской области, Херсонской, Екатеринославской, Самарской и Саратовской губерниях. Рост выпуска зерна на человека в этих губерниях, скорее всего, связан с активной распашкой в причерноморских регионах, интенсивно осваивавшихся в XIX в., а также с расширением железнодорожного строительства, которое упрощало доступ к экспорту зерна, и с тарифной политикой, с помощью которой государство стимулировало развитие зерноводства в удаленных от морских портов и промышленных центров районах. Для лучшей визуализации приводим график по регионам (см. рис. 3). Группировка по районам дана так, как это делается в статистических сборниках, публиковавшихся Центральным Статистическим Комитетом МВД.

Помимо производительности труда в сельском хозяйстве, важнейшим показателем эффективности аграрного сектора является производительность земли, то есть урожайность. В странах, где к началу XX в. произошла

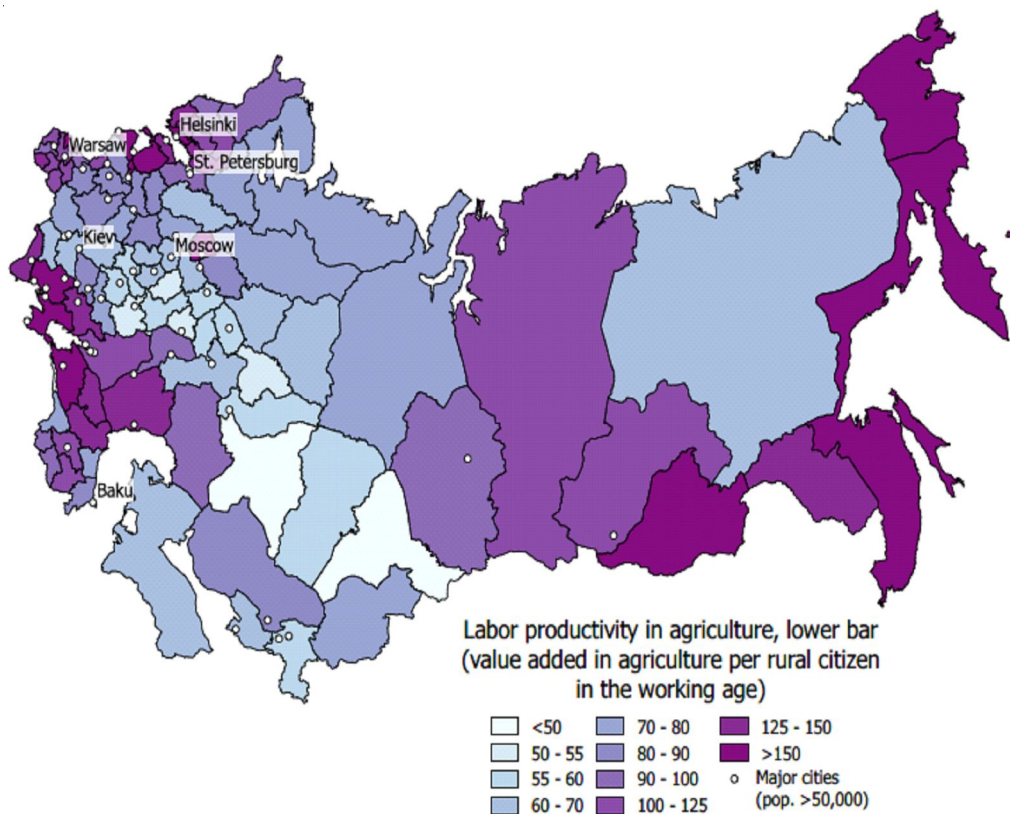

Рис. 1. Производительность труда в сельском хозяйстве губерний Российской империи в 1897 г. (1 897 руб.)

Fig. 1. Agricultural labor productivity in Russian provinces in 1897 (1,897 rubles)

Примечание. Источник: [28].

аграрная революция (Голландия, Англия, Бельгия, Германия, Швейцария), урожайность достигла уровня, более чем в 2 раза превышающего урожайность в других странах [19, с. 80].

В Российской империи урожайность оставалась достаточно низкой по сравнению с другими странами. Но еще более важным было то, что динамика урожайности в России не очень сильно менялась. Если посмотреть изменение урожайности по различным регионам за период 1896–1913 гг., то видно, что урожайность сильно колебалась, но восходящий тренд практически отсутствовал. Для лучшей визуализации графики (см. рис. 4 и 5) даны отдельно для крестьянских и помещичьих хозяйств. Также были построены графики для отдельных видов зерна, по отдельным губерниям, которые показали, что ни в одной губернии и ни для какой культуры значительного роста урожайности не наблюдалось.

Для сравнения можно привести данные по урожайности в других странах (см. табл. 1).

Результаты. Основным выводом из проведенного исследования является констатация того, что аграрный переворот в Российской империи (без Польши и Финляндии) в предреволюционный период не завершился. Оговорку можно сделать только применительно к двум прибалтийским губерниям – Эстляндской и Курляндской, где выполняются ряд основных критериев, которые в литературе рассматриваются как показатели завершенности аграрного переворота. При этом, однако, нужно учитывать, что урожайность даже в этих относительно развитых регионах оставалась по мировым меркам достаточно низкой, то есть хотя аграрный переворот в этих регионах и находился в завершающей фазе, говорить о его завершенности в тот период еще рано.

Довольно интересные выводы можно получить при сравнении результатов региональных исследований, сделанных различными авторами. Если стадии развития общины по А.А. Ка-

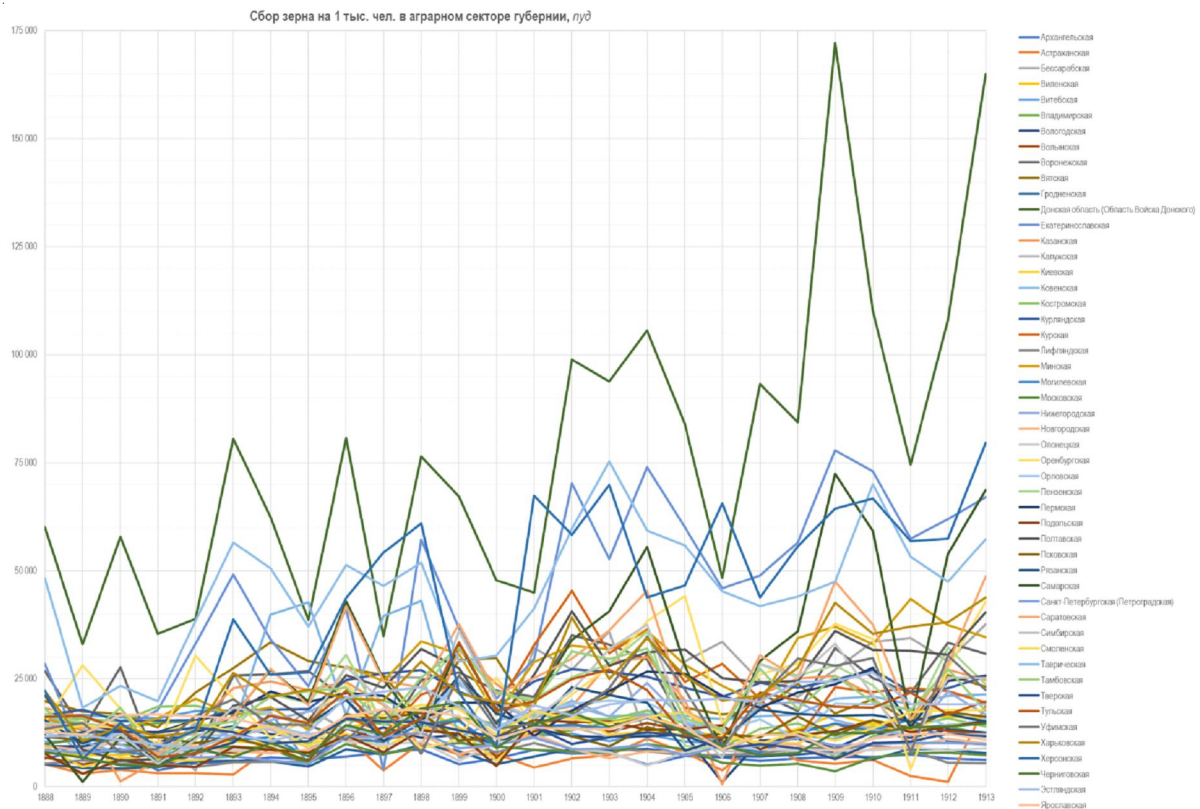

Рис. 2. Динамика изменения количества производимого зерна на человека в аграрном секторе
 Fig. 2. Changes in the amount of grain produced per person in the agricultural sector

Примечание. Источник рисунков 2–5: [23]. Графики построены автором статьи.

уфману не очень ложатся в распределение регионов по уровню развития А.М. Маркевича, то выделенные А.Н. Челинцевым регионы, соответствующие стадиям перехода к интенсивному хозяйству, достаточно хорошо соответствуют цифрам А.М. Маркевича.

При сравнении результатов А.М. Маркевича и результатов, полученных П.И. Ляшенко, можно увидеть, что районы с более развитой организацией торговли совпадают с районами, где, согласно данным А.М. Маркевича, была относительно высокая производительность труда в аграрном секторе.

Если сопоставить карты из работ А.Н. Челинцева и А.М. Маркевича, то видно, что районы западных губерний по сравнению с восточными губерниями европейской части России более развиты по обоим видам классификации. В соответствии с исследованием А.Н. Че-

линцева в западных губерниях преобладают более интенсивные системы земледелия и в соответствии с выводами А.М. Маркевича в этих же регионах выше производительность труда в аграрном секторе. Однако выводы А.М. Маркевича не подтверждают выводы А.Н. Челинцева по ряду южных губерний. С точки зрения классификации А.Н. Челинцева в Таврической, Донской, Кубанской, Ставропольской, Терской, Астраханской губерниях преобладают экстенсивные формы хозяйствования, но из работы А.М. Маркевича следует, что в этих регионах производительность труда в сельском хозяйстве была одной из самых высоких.

Любопытный вывод можно сделать при анализе графиков производства зерна на человека в аграрном секторе. Более чем двукратный рост наблюдается в пяти губерниях,

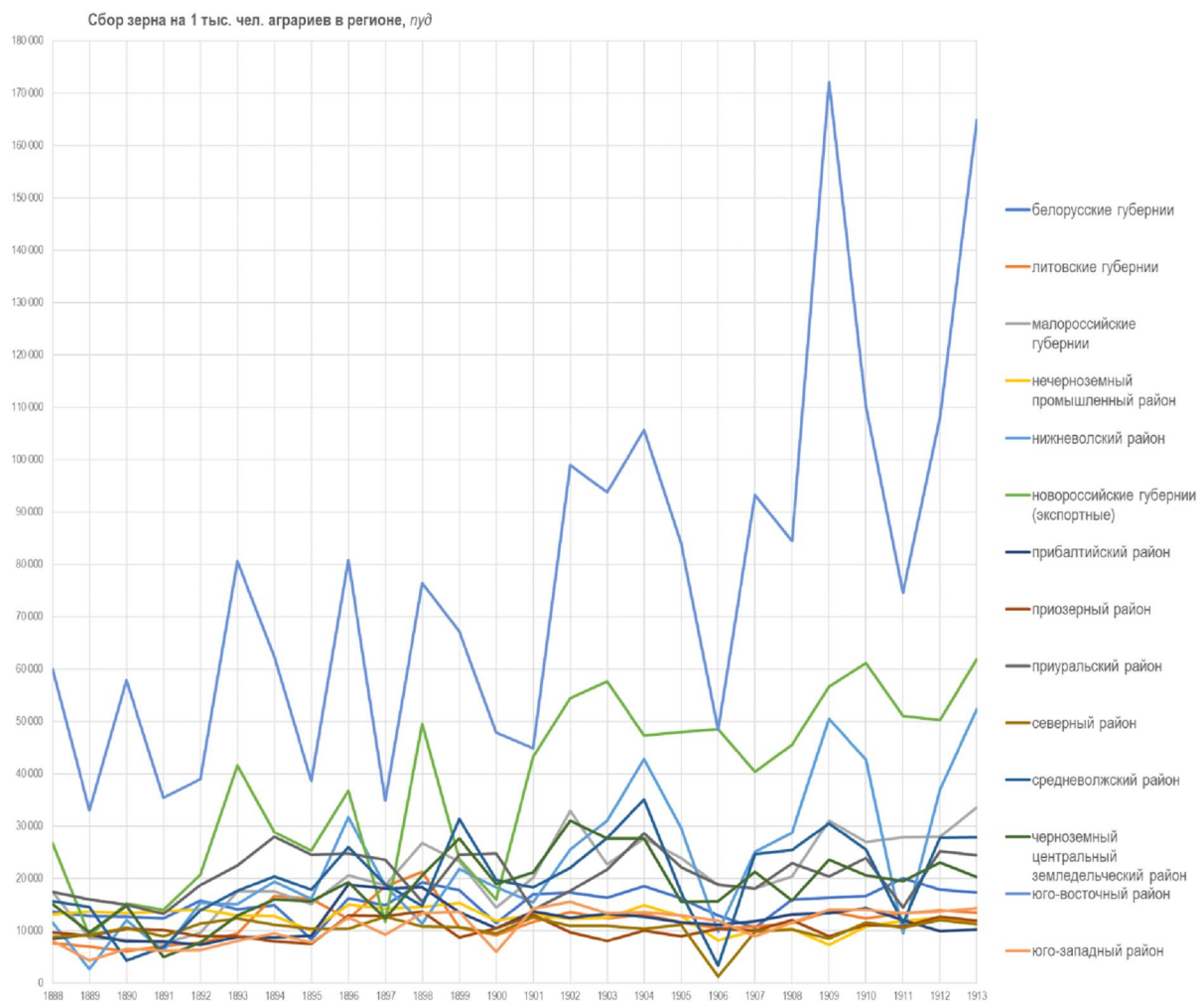

Рис. 3. Сбор зерна на 1 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, по регионам

Fig. 3. Grain harvest per 1,000 people employed in agriculture, by region

«не замеченных» в особой продвинутой по остальным критериям. Вероятно, объяснением здесь может служить отмеченный П.И. Лященко и А.М. Маркевичем фактор влияния железнодорожного строительства и связанного с этим расширения доступа к портовой (экспортной) инфраструктуре, политикой государства

в области железнодорожных тарифов и значительными возможностями по расширению посевных площадей.

Если сравнить результаты исследований, сделанные А.М. Маркевичем и другими авторами, то получаются очень интересные выводы, касающиеся влияния общинной формы

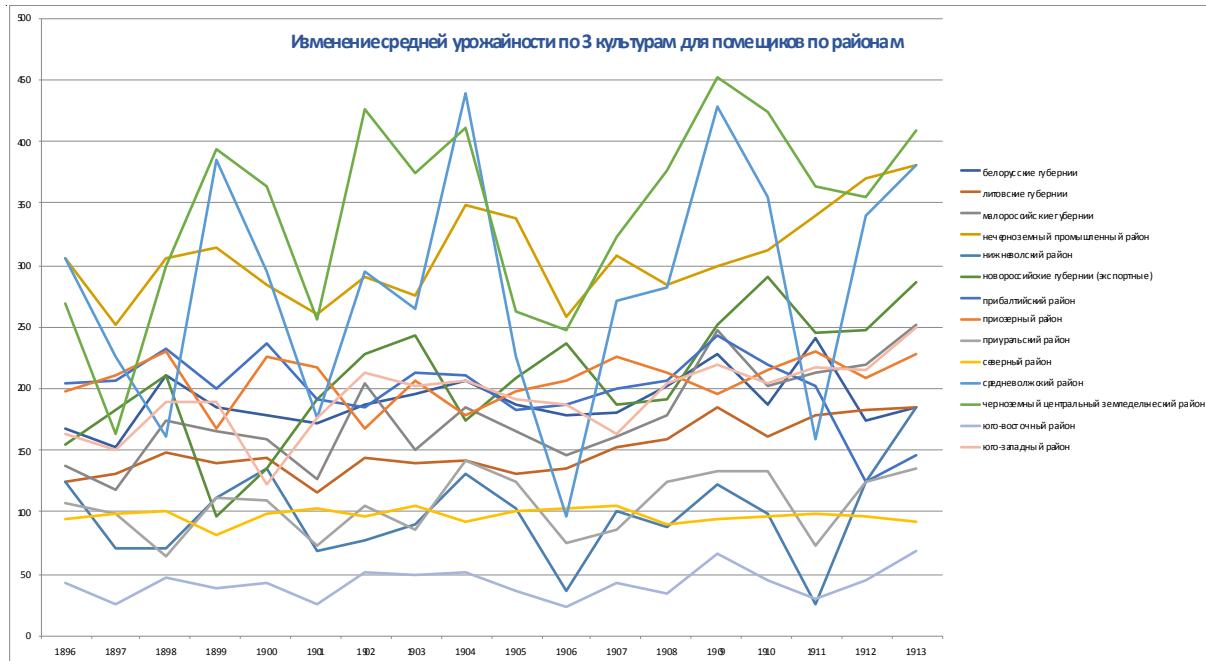

Рис. 4. Средняя урожайность для помещиков по трем зерновым культурам (рожь, пшеница, ячмень) за период 1896–1913 годов

Fig. 4. Average yield for landowners for three grain crops (rye, wheat, and barley) for the period 1896–1913

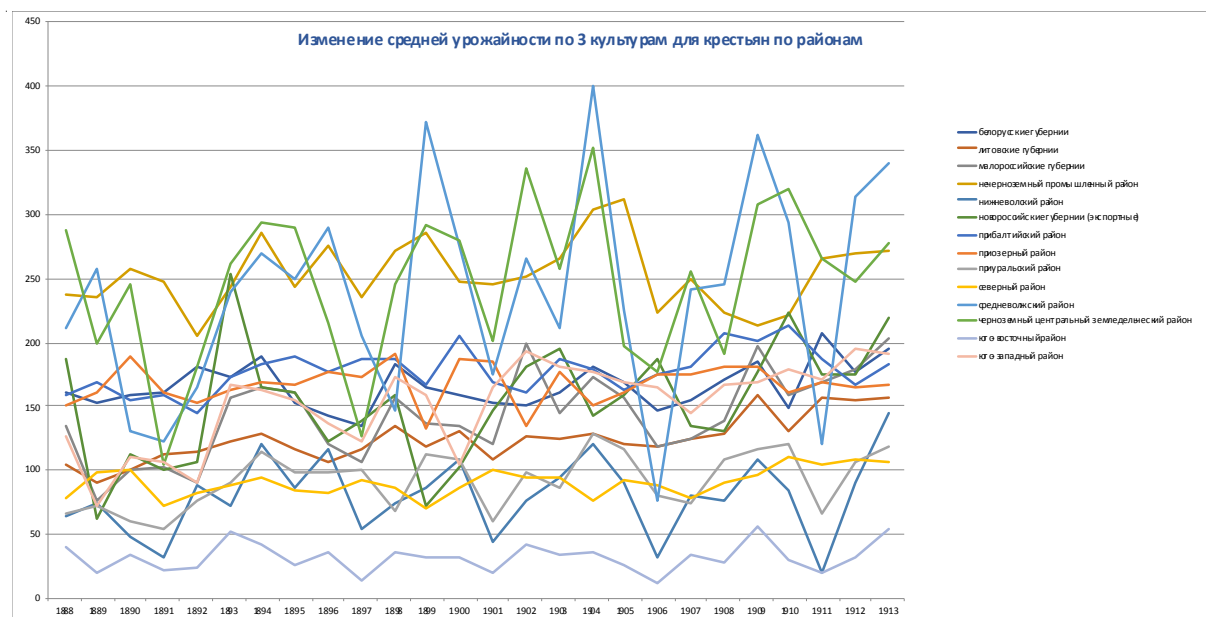

Рис. 5. Средняя урожайность для крестьян по трем зерновым культурам (рожь, пшеница, ячмень) за период 1896–1913 годов

Fig. 5. Average yield for farmers for three grain crops (rye, wheat, and barley) for the period 1896–1913

хозяйствования на продуктивность аграрного сектора. Реконструированные А.М. Маркевичем данные по реальному подушевому ВВП и производительности труда в сельском хозяйстве показывают, что регионы, где в соответствии с выводами А.А. Кауфмана община либо зарождалась, либо была в стадии расцвета – Енисейская, Иркутская, Томская губернии – по своему уровню производительности труда были выше среднего уровня по Российской империи. Эти результаты противоречат общепринятой точке зрения о тормозящей роли общины и требуют дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор статьи считает, что эти термины взаимозаменяемы, так как представляют собой два варианта перевода с английского термина «agrarian revolution», по аналогии с переводом термина «industrial revolution», который иногда переводили как «промышленный переворот», а иногда как «промышленная революция». Но в связи с тем, что в ряде работ отечественные авторы различают «аграрную революцию» и «аграрный переворот», о чем будет написано ниже, здесь будет использоваться термин «аграрный переворот».

² Без Польши и Финляндии.

³ В Тбилисской губернии (в Восточной Грузии) крепостное право было отменено в 1864 г., в Кутаис-

ской губернии (в Имерети, Раче и Лечхуми) – в 1865 г., в Мегрелии – в 1867 г., в Абхазии – в 1870 г., в Сванети – в 1871 г., в Азербайджане и Армении – в 1870 году.

⁴ Здесь А.Н. Челинцев ссылается на работу Б.Д. Бруцкуса и выражает солидарность с его взглядами по вопросам систем хозяйствования [25, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об устройстве поселян, водворенных в Закавказском крае на землях лиц, не имеющих права владеть населенными имениями // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3-е. Т. 3 (1883). СПб.: Гос. тип., 1886. № 1429. С. 79–80.

2. Высочайше утвержденное положение о взаимных отношениях Агаларов и поселян, живущих на землях, возвращаемых Агаларам и утверждаемых за ними на основании Высочайшего рескрипта 6 Декабря 1846 года (№ 20672) // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 22 (1847). Отд. 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1848. № 21825. С. 931–936.

3. Высочайше утвержденное положение о земельном устройстве государственных поселян, водворенных на землях лиц высшего Мусульманского сословия, а равно меликов из Армян в губерниях Закавказских: Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлиской // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 45 (1870). Отд. 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1874. № 48357. С. 630–646.

Таблица. Урожайность хлебов в России и других странах в 1913 г. (пудов с десятины)

Table. Grains yield in Russia and other countries in 1913 (poods per dessiatine)

Страна	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
Россия	55	56	62	63	491
Австрия	80	92	107	94	602
Венгрия	88	82	92	41	470
Великобритания	149	–	127	117	1 086
Бельгия	168	147	180	171	1 338
Болгария	80	75	81	60	–
Германия	157	127	148	146	1 057
Голландия	160	122	168	148	1 176
Испания	52	61	64	45	–
Румыния	44	70	71	68	641
Сербия	72	58	65	46	–
Франция	89	71	68	86	571
Швейцария	153	123	130	150	1 038
Швеция	161	94	139	123	–
Канада	94	61	108	10?	750
США	68	68	85	70	408

Примечание. Источник: [21, с. 117–118].

4. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думою закон о прекращении временно-обязательных и зависимых отношений крестьян и поселян к помещикам и землевладельцам в Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской губерниях, посредством выкупа наделов в собственность при содействии Правительства // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 22 (1902). Отд. 1-е. СПб.: Гос. тип., 1904. № 38539. С. 1687–1692.
5. Гловели Г. Дж. Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Историко-экономические исследования. Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 38–52.
6. Де Фрис Ян. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. А. Володина. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 464 с.
7. Дубровский С. М. «Столыпинская реформа»: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Очерки по истории России XX века. Л.: Прибой: Ком. ун-т им. тов. Зиновьева, 1925. 302 с.
8. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
9. Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28–45.
10. Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 455 с.
11. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 76–99.
12. Крохалев Ф. С. О системах земледелия. М.: Сельхозгиз, 1960. 432 с.
13. Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. 656 с.
14. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 908 с.
15. Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской части России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1927. 301 с.
16. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909. 308 с.
17. Першин П. Н. Аграрная революция в России. В 2 т. М.: Наука, 1966.
18. Положение об управлении Туркестанского края: (св. зак. т. 2, издание 1892 г., по прод. 1912, 1913 и 1914 гг.): с разъяснениями Правительствующего сената (Гражданского Кассац., Уголовного Кассац., Общего Собрания, 1-го и 2-го Департаментов, приказами и циркулярами Туркестанского Генерал-Губернатора и инструкциями и правилами по отдельным частям управления): неофициальное издание / сост. И. Ф. Абрамов. Ташкент: Изд. кн. магазина М.Ф. Собберей, 1916. 250 с.
19. Россия, 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. 417 с.
20. Сафонов Д. А. Аграрная революция: российское прочтение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Науч. кн., 2020. С. 152–157.
21. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. 446 с.
22. Сенатский, по Высочайше утвержденному докладу о считании казенным поселянам годового срока к подаче апелляции со времени объявления им решения и взятия с них подписки // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 20 (1900). Отд. 1-е. СПб.: Гос. тип., 1902. № 18509. С. 389–391.
23. Сорокин А. С., Розинская Н. А., Чаплыгина И. Г. База данных показателей посевных площадей и урожайности основных зерновых культур по губерниям Российской империи за период с 1881 по 1913 г. Св-во о гос. регистрации базы данных № 2023623372 от 06.10.2023. Заявка № 2023623069 от 22.09.23.
24. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907. 272 с.
25. Челинцев А.Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономике. III. Сельско-хозяйственные районы Европейской России, как стадии сельско-хозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. 135 с.
26. Allen R. Enclosure and the Yeoman. Oxford: Clarendon Press, 1992. 376 p.
27. Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review. New Series. 1999. Vol. 52, № 2. P. 209–235.
28. Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the Late Russian Empire (May 14, 2019). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>
29. Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution // The Agricultural History Review. 1996. Vol. 44, № 1. P. 1–20.
30. Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // Journal of Globalization Studies, 2010. Vol. 1, № 1. P. 6–28.

31. van Zanden Jan Luiten. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // The Economic History Review. 1991. № 44. P. 215–239.

REFERENCES

1. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ob ustrojstve poselyan, vodvorennykh v Zakavkazskom krae na zemlyakh lic, ne imeyushchikh prava vladet naselennymi imeniyami [Highest Approved Decision of the State Council on the Arrangement of Settlers in the Transcaucasian Region on the Lands of Persons Who Do Not Have the Right to Own Populated Estates]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobranie 3-e. T. 3 (1883)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 3 (1883)]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1886, no. 1429, pp. 79–80.
2. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o vzaimnykh otnosheniyakh Agalarov i poselyan, zhivushchikh na zemlyakh, vozvrashchaemykh Agalarom i utverzhaemykh za nimi na osnovanii Vysochajshego reskripta 6 Dekabrya 1846 goda (№ 20672) [Highest Approved Provision on the Mutual Relations of the Agalars and the Villagers Living on Lands Returned to the Agalars and Approved for Them on the Basis of the Highest Rescript of December 6, 1846 (No. 20672)]. *PSZRI. Sobranie 2-e. T. 22 (1847). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 22 (1847). Section 1]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kancel'yarii, 1848, no. 21825, pp. 931–936.
3. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o pozemelnom ustrojstve gosudarstvennykh poselyan, vodvorennykh na zemlyakh lic vysshego Musulmanskogo sosloviya, a ravno melikov iz Arмян v guberniyakh Zakavkazskikh: Elisavetpolskoj, Bakinskoj, Ehrivanskoj i chasti Tiflisskoj [Highest Approved Provision on the Land Arrangement of State-Owned Settlers on the Lands of Persons of the Highest Muslim Class, as Well as Meliks from Armenians in the Transcaucasian Provinces: Elisavetpol, Baku, Erivan, and Part of Tiflis]. *PSZRI. Sobranie 2-e. T. 45 (1870). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 45 (1870). Section 1]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kancel'yarii, 1874, no. 48357, pp. 630–646.
4. Vysochajshe utverzhdennyj odobrennyj Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoj Dumoyu zakon o prekrashchenii vremenno-obyazatelnykh i zavisimykh otnoshenij krestyan i poselyan k pomeshchikam i zemlevladelcam v Tiflisskoj, Kutaiskoj, Ehrivanskoj, Elisavetpolskoj, Bakinskoj guberniyakh, posredstvom vykupa nadelov v sobstvennost pri sodejstvii Pravitelstva [Highest Approved Enacted by the State Council and the State Duma Legislation on the Termination of Obligatory and Dependent Relations of Peasants and Settlers to Landowners in Tiflis, Kutaisi, Erivan, Elisavetpol, and Baku Provinces Through the Redemption of Plots of Property with the Assistance of the Government]. *PSZRI. Sobranie 3-e. T. 22 (1902). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 22 (1902). Section 1]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1904, no. 38539, pp. 1687–1692.
5. Gloveli G.Dzh. N.P. Oganovskii: zakonmernost agrarnoj evoljucii i probely formacionnogo podhoda [N.P. Oganovsky the Pattern of Agrarian Evolution and Gaps in the Formational Approach]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. Voprosy politicheskoy ekonomii* [Historical and Economic Studies. Issues of Political Economy], 2017, no. 2, pp. 38–52.
6. De Fris Jan. *Revoljucija trudoljubija: potrebitelskoe povedenie i ekonomika domohozjajstv s 1650 goda do nashih dnei* [Industrious Revolution: Consumer Behavior and Household Economics from 1650 to the Present Day]. Moscow, Izdat. dom «Delo» RANHIGS, 2016. 464 p.
7. Dubrovskij S.M. «Stolypinskaja reforma»: kapitalizacija selskogo hozjajstva v XX veke. *Oчерки по истории России XX века* [“Stolypin Reform” Capitalization of Agriculture in the 20th Century. Essays on the History of Russia in the 20th Century]. Leningrad, Priboj Publ., Kom. un-t im. tov. Zinov'yeva, 1925. 302 p.
8. Zajonchkovskij P.A. *Otmеna krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1968. 368 p.
9. Kabanov V.V. Agrarnaja revoljucija v Rossii [Agrarian Revolution in Russia]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1989, no. 11, pp. 28–45.
10. Kaufman A.A. *Russkaja obshhina v processe ee zarozhdenija i rosta* [Russian Community in the Process of Its Origin and Growth]. Moscow, Tip. T-va I.D. Sytina, 1908. 455 p.
11. Kovalchenko I.D., Borodkin L.I. Struktura i uroven agrarnogo razvitija rajonov Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Structure and Level of Agrarian Development of Regions of European Russia at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Istorija SSSR* [History of the USSR], 1981, no. 1, pp. 76–99.
12. Krohalev F.S. *O sistemah zemledelija* [On Agricultural Systems]. Moscow, Sel'hozgiz, 1960. 432 p.
13. Ljashhenko P.I. *Hlebnaja torgovlja na vnutrennih rynkah evropejskoj Rossii. Opisatelno-statisticheskoe issledovanie* [Grain Trade in the Domestic Markets of European Russia. Descriptive and Statistical Study]. Saint Petersburg, M-vo torg. i prom-ti, 1912. 656 p.

14. Marks K. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1]. Marks K., Engels F. *Sochineniya. T. 23* [Works. Vol. 23]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1960. 908 p.
15. Obuhov V.M. Dvizhenie urozhaev zernovykh kultur v Evropejskoj chasti Rossii v period 1883–1915 gg. [Movement of Grain Crop Yields in the European Part of Russia in the Period 1883–1915]. Groman V.G., ed. *Vlijanie neurozhaev na narodnoe hozjajstvo Rossii* [Influence of Crop Failures on the National Economy of Russia Under the General Editorship of V.G. Groman]. Moscow, Ros. assoc. nauch.-issled. in-tov obshhestv. nauk, 1927. 301 p.
16. Oganovskij N.P. *Zakonomernost agrarnoj evoljucii. Ch. 1. Teorii kapitalisticheskogo razvitiya. Obshhij hod i fazisy agrarnoj evoljucii* [Regularity of Agrarian Evolution. Pt. 1. Theories of Capitalist Development. General Course and Phases of Agrarian Evolution]. Saratov, Sotrudnichestvo Publ., 1909. 308 p.
17. Pershin P.N. *Agrarnaja revoljucija v Rossii. V 2 t.* [Agrarian Revolution in Russia. In 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1966.
18. Abramov I.F., ed. *Polozheniye ob upravlenii Turkestanskogo kraya. (sv. zak. t. 2, izdaniye 1892 g., po prod. 1912, 1913 i 1914 gg.): s razjasneniyami Pravitelstvuyushchego senata (Grazhdanskogo Kassats., Ugolovnogo Kassats., Obshchego Sobraniya, 1-go i 2-go Departamentov, prikazami i tsirkulyarami Turkestanskogo General-Gubernatora i instruktsiyami i pravilami po otdel'nym chastyam upravleniya): neofitsialnoye izdaniye* [Regulations on the management of the Turkestan Region: (Consolidated Law, Vol. 2, 1892 Edition, Extended in 1912, 1913, and 1914): With Explanations of the Governing Senate (Civil Cassation, Criminal Cassation, General Assembly, 1st and 2nd Departments, Orders and Circulars of the Turkestan Governor-General, and Instructions and Rules for Individual Parts of Management): Unofficial Publication]. Tashkent, Izd. kn. magazina M.F. Sobberay, 1916. 250 p.
19. *Rossija, 1913 g.: Statistiko-dokumentalnyj spravochnik* [Russia, 1913: Statistical and Documentary Reference Book]. Saint Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr «BLIC», 1995. 417 p.
20. Safonov D.A. Agrarnaja revoljucija rossijskoe prochtenie [Agrarian Revolution: Russian Reading]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy, 2019: Problemy agrarnogo razvitiya Rossii XIV–XX vv.* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe, 2019. Problems of Agrarian Development of Russia in the 14th – 20th Centuries]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., 2020, pp. 152–157.
21. *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. God desyatyy* [Collection of Statistical and Economic Data on Agriculture in Russia and Foreign Countries. Year Ten]. Petrograd, 1917. 446 p.
22. Senatskij, po Vysochajshe utverzhdennomu dokladu o schitanii kazennym poselyanam godovogo sroka k podache apellycii so vremeni obyavleniya im resheniya i vzyatiya s nikh podpiski [Senate, on the Report Approved by the Supreme Council on Calculating the One-Year Period for State-Owned Settlers to File an Appeal from the Time the Decision Was Announced to Them and Their Signature Was Taken]. *PSZRI. Sobranie 3-e. T. 20 (1900). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 20 (1900). Section 1]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1902., no. 18509, pp. 389–391.
23. Sorokin A.S., Rozinskaja N.A., Chaplygina I.G. *Baza dannykh pokazateley posevnykh ploshchadej i urozhaynosti osnovnykh zernovykh kultur po guberniyam Rossijskoy imperii za period s 1881 po 1913 g. Sv-vo o gos. registratsii bazy dannykh № 2023623372 ot 06.10.2023. Zayavka № 2023623069 ot 22.09.23* [Database of Indicators of Sown Areas and Yields of Major Grain Crops by Provinces of the Russian Empire for the Period from 1881 to 1913. Certificate of State Registration of the Database No. 2023623372 Dated October 6, 2023. Application No. 2023623069 from September 22, 23].
24. *Statistika zemlevladieniya 1905 g. Svod dannykh po 50-ti guberniyam Evropejskoj Rossii* [Statistics of Land Ownership of 1905. Data Collection for 50 Provinces of European Russia]. Saint Petersburg, Izd. CSK MVD, 1907. 272 p.
25. Chelincev A.N. *Ocherki po sel'sko-hozjajstvennoj ekonomii. III. Sel'sko-hozjajstvennyye rajony Evropejskoj Rossii, kak stadii sel'sko-hozjajstvennoj evoljucii, i kulturnyj uroven sel'skogo hozjajstva v nih* [Essays on Agricultural Economy. 3. Agricultural Regions of European Russia, as Stages of Agricultural Evolution, and the Cultural Level of Agriculture in Them]. Saint Petersburg, 1910. 135 p.
26. Allen R. *Enclosure and the Yeoman*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 376 p.
27. Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England. *The Economic History Review. New Series*, 1999, vol. 52, no. 2, pp. 209–235.
28. Markevich A. *A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire (May 14, 2019)*. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>
29. Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution. *The Agricultural History Review*, 1996, vol. 44, no. 1, pp. 1–20.
30. Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. *Journal of Globalization Studies*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 6–28.
31. van Zanden Jan Luiten. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914. *The Economic History Review*, 1991, no. 44, pp. 215–239.

Information About the Author

Natalia A. Rozinskaya, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of National Economy and Economic Thought, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Bld. 46, 119991 Moscow, Russian Federation, natalja.rozinskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6907-0440>

Информация об авторе

Наталья Анатольевна Розинская, кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 46, 119991 г. Москва, Российская Федерация, natalja.rozinskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6907-0440>